

УДК 82

**«ВОПРОСЫ ДУХА» В «ЛЕГЕНДЕ О ВЕЛИКОМ ИНКВИЗИТОРЕ»
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И В РОМАНЕ
«ПОКУШЕНИЕ НА МИРАЖИ» В.Ф. ТЕНДРЯКОВА**

© 2009 г.

О.С. Сухих

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

olsios@mail.ru

Поступила в редакцию 11.11.2008

Рассматривается философская проблематика «Легенды о великом инквизиторе» Ф.М. Достоевского и романа «Покушение на миражи» В.Ф. Тендрякова. Выявляются проблемно-тематические переключки в этих произведениях.

Ключевые слова: история, христианство, философские проблемы, Ф.М. Достоевский, В.Ф. Тендряков.

Владимир Тендряков – один из талантливых советских писателей, творчество его сейчас незаслуженно забыто критикой, а роман «Покушение на миражи» [1] никогда особого внимания исследователей и не удостоивался, хотя, на наш взгляд, это произведение далеко не заурядное. Правда, с художественной точки зрения его вряд ли можно считать шедевром, в частности, из-за явной публицистичности «современных» глав (В. Тендряков, подобно М. Булгакову, по ходу повествования переносит действие из XX века в историческое прошлое и обратно). Но этот роман, безусловно, интересен своей глубокой философской проблематикой, которая объединяет его с творчеством Ф.М. Достоевского, с его «Братьями Карамазовыми», с «Легендой о великом инквизиторе», где сконцентрировались, по словам М. Горького, «вопросы коренные, вопросы духа» [2, с. 163]. В ней были рассмотрены принципиальные проблемы, касающиеся смысла человеческого бытия на земле, вечных духовных ценностей и попыток достижения всеобщего счастья. Причём эти вопросы писатель воплотил в «Легенде» с такой силой художественного обобщения, с такой художественной убедительностью, что образ великого инквизитора с тех пор стал своеобразным литературным архетипом. Творчество многих писателей XX века, стремящихся осмыслить глубочайшие «вопросы духа», связано – иногда типологически, иногда (даже чаще) генетически – с этим произведением Ф.М. Достоевского. О его традициях в русской литературе XX века существуют специальные исследования, например, в последнее время были напечатаны монографии Л. Сараскиной [3] и Ю. Сохрякова [4],

но в первой из них произведения В. Тендрякова не анализируются, а во второй этому писателю посвящено менее страницы. Между тем в романе «Покушение на миражи» есть явные переключки с проблематикой «Легенды о великом инквизиторе», и В.Ф. Тендряков предлагает свои варианты раскрытия и решения «вопросов духа», что заслуживает подробного исследования.

Герои «Покушения на миражи» стремятся решить сложнейшие вопросы: **можно ли создать идеально справедливое общество, какова роль личности в истории и может ли человек волевым импульсом изменить жизнь?** По сути, те же проблемы решает в своём монологе великий инквизитор, а также написавший поэму о нём Иван Карамазов и, наконец, создавший оба эти образа Достоевский. «Течёт поток рода людского. Куда? Какие силы гонят его? <...> Чем дальше, тем меньше человек зависел от внешних сил, тем сильнее он ощущал – опасность кроется в нём самом. Не кто-то и не что-то со стороны больше всего мешает жить, а непреходящая лютая взаимонесовместимость» [1, с. 5–6] – с таких философских рассуждений начинается роман В. Тендрякова «Покушение на миражи». Главный герой «Легенды» тоже полагал, что люди, которые «малосильны, порочны, ничтожны и бунтовщики» [5, с. 318], рано или поздно погубят сами себя, если им дать свободу. Стремясь спасти их от этого и устроить их судьбы, великий инквизитор пришёл к выводу о том, что законы «истории мира и человечества» [5, с. 316] воплощены в трех искушениях, когда-то отвергнутых Христом: обратить камни в хлебы и накормить всех, по-

работить людские души чудом, собрать людей во всеобщий «муравейник» под единой властью. В отличие от Христа, великий инквизитор принимает эти советы и на их основе создает историю своего государства. Иван Карамазов в сочинённой им поэме, по сути дела, ставит **исторический эксперимент** и показывает, какова была бы судьба человечества, если бы случилось невозможное и Христос пошёл бы иным путём, чем это было в действительности. Герои тендряковского романа по-своему повторяют этот опыт: они создают некую компьютерную **модель истории**, чтобы выяснить, каков был бы путь развития человечества без Христа. К каким же результатам приводят своих персонажей Достоевский и Тендряков?

Великий инквизитор создаёт идеальное, с его точки зрения, общество, где счастливы все обычные, слабые и ничтожные люди. Ради этого он отказывается от христианских законов, поработает всех находящихся под его властью, но при этом обманывает свой народ, пребывающий в уверенности, что он свободен и живёт по заповедям Христа. Чтобы сохранить порядок в государстве, великий инквизитор приказывает сжигать сотни еретиков, чтобы они не смущали умы «счастливых младенцев» [5, с. 326]. Ради той же цели он готов казнить и своего Пленника. Казалось бы, жизнь государства вполне налажена и идёт согласно математически выверенной логике, но появляется Христос, он как бы воскресает для людей – и люди готовы идти за ним, и власть грозного правителя в опасности. Казалось бы, инквизитор навсегда убил в себе человечность, подчинил свою душу безжалостному разуму, но безмолвный Пленник целует его – и в его душе наступает смятение, и он отступает от собственного твёрдого решения: отменяет казнь. В этот момент в сердце великого инквизитора тоже как будто воскресает Христос. Казалось бы, Иван Карамазов полностью убеждён в своей правоте: только тем путём, который избрал его герой, можно избавить человечество от страданий; но первый слушатель «поэмы» – Алёша – одной фразой опровергает его аргументы: «Поэма твоя есть хвала Иисусу, а не хула... как ты хотел того» [5, с. 327]. Он чувствует: изображённое Иваном «идеальное» общество настолько ужасно и антигуманно, что, познакомившись с его жизнью, человек не откажется от христианских принципов, а, наоборот, обратится к ним, то есть «модель истории», созданная Иваном, лишь доказывает «от противного», что без Христа жизнь человечества превратится в ад, умело замаскированный под рай.

В компьютерной модели истории, созданной тендряковскими героями, заложен такой пункт,

по которому электронно-вычислительный «мозг», порождая какую-либо личность или выдвигая её на первую роль в историческом процессе, не должен использовать ту совокупность качеств, которая соответствует личности Христа. И вот, казалось бы, судьба человечества уже математически выверена и рассчитана, место Христа в истории занимает апостол Павел, всё идёт своим чередом, и остаётся лишь ждать результата. Но из памяти ЭВМ случайно стирается запрет на использование совокупности личностных характеристик Христа – и в созданной компьютером исторической реальности появляется Христос. Электронно-вычислительная машина «не ведала о его прежнем существовании, всякие следы об основателе христианства были стёрты из её машинной памяти, существовал лишь разрозненный набор многочисленных символов, означающих отдельные черты человеческих характеров. И то, что из этих частичек сложился облик Христа, случайностью уже быть не могло» [1, с. 116]. Программист Ирина Сушко, поражённая произошедшим, звонит главному герою и говорит: «Докладываю официально: Иисус Христос воскрес, смертью смерть поправ» [1, с. 114]. **И «опыт» Ивана Карамазова, и эксперимент «самодеятельных историков» конца XX века приводят в определённом смысле к торжеству Христа, к его своеобразному воскресению.**

В проблематике «Покушения на миражи» существуют и другие значительные переклички с важнейшими вопросами «Легенды о великом инквизиторе». Они связаны, например, с образом Кампанеллы. В. Тендряков обращался к его «Городу Солнца» и ранее – в повести «Три мешка сорной пшеницы», где главный герой – Женька Тулупов – сначала захвачен мечтами великого утописта, но постепенно приходит к выводу об их наивности и нежизненности. В «Покушении на миражи» философская мысль Кампанеллы раскрывается подробнее, а кроме того, создаётся образ автора «Города Солнца», как и образ самого этого города (каким он стал бы в реальности согласно жизненным закономерностям).

По сюжету сказания пятого (главы, посвященной Кампанелле) создатель утопии оказывается в городе своей мечты, причём этот эпизод перекликается с завязкой «Легенды о великом инквизиторе». В произведении Достоевского великий инквизитор (не забудем, что его государство официально считается христианским и самими жителями осознаётся именно так), узнав о пришествии Христа, приказывает схватить его и бросить в темницу; в разговоре с Пленником он грозно спрашивает, зачем тот пришёл в его город. Когда в романе Тендрякова

Кампанелла входит в Город Солнца, то его встречают вопросом: «Какой бес тебя гонит к нам?» – а впоследствии его тоже бросают в мрачное подземелье. Это совпадение сюжетных ходов показательное: основатель христианства оказывается опасным в «христианском» государстве, потому что оно по своей сути далеко не христианское, а создатель «идеального» утопического мира обречен на гибель в этом обществе, потому что на поверку оно далеко не идеально.

В сказании пятом автор «Покушения на миражи» ставит **вопрос о возможности построения счастливого общества** – вопрос, занимавший и Достоевского. Иван Карамазов говорит о великом инквизиторе, что тот в начале своего пути вполне искренне стремился влиться в число истинных последователей Христа, но со временем понял, что «невелико нравственное блаженство достигнуть совершенства воли с тем, чтобы в то же время убедиться, что миллионы остальных существ божиих остались устроенными лишь в насмешку» [5, с. 328]. И он взял на себя миссию определить, в чём людское счастье, ведь ему представляется, что он постиг все тайны человеческой природы и мировой истории. Великий инквизитор доказывает Пленнику: всё, чего ищет человек, – это «перед кем преклониться, кому вручить совесть и каким образом соединиться наконец всем в бесспорный общий и согласный муравейник» [5, с. 323]. Он строит жизнь общества в соответствии с этим и уверен, что дарит людям полное благоденствие, однако и в этом счастливом «муравейнике» появляются «еретики», как будто подтверждая мысль «подпольного человека» о том, что в хрустальном дворце идеального будущего обязательно окажется хоть один такой человек, которому станет противно это математически выверенное счастье. Логика великого инквизитора здесь бессильна, потому что она игнорирует *иррациональность природы человека*.

У Кампанеллы тоже есть собственное представление о счастье человека, и ему кажется, что истинность его взглядов неоспорима. Эта формула благоденствия такова: «Простая, здоровая пища, добротная, но не роскошная одежда, крыша над головой» [1, с. 171]. Однако оказывается, что логика утописта, как и великого инквизитора, не учитывает *человеческой природы*: людям нужно не только необходимое, но и *лишнее*, причём каждому – что-то своё, как самому Кампанелле всегда были необходимы книги и его коллекция монет. Утопист полагал, что *равенство* сделает жизнь общества справедливей, но и эта на первый взгляд безоши-

бочная логическая посылка не выдерживает столкновения с законами человеческой природы: труженик никогда в душе не смирится с тем, что ему положено такое же вознаграждение, как и лентяю, а попытка контролировать усердие каждого приведёт к доноситеству. Когда Кампанелла воображал Город Солнца и мечтал, что рано или поздно его идеал воплотится в жизнь, ему казалось, что это будет избавление человечества от страданий. На протяжении своей жизни, полной жестоких испытаний, он утешался лишь тем, что сумел понять истину и объяснить её людям. Тем страшнее было его разочарование, когда он увидел плоды своих идей: беззаконие, запустение и несчастных, озлобленных нищих, которые даже радуются только по приказу. В романе Достоевского великий инквизитор и Иван Карамазов, можно сказать, находясь в положении тендряковского Кампанеллы, когда тот ещё не ведал, к чему привела его «истина». Герою «Покушения на миражи» открывают глаза сама реальность и разговор с Солом, брошенным, как и он, в подземелье. Ивану Карамазову – его брат Алёша, увидевший весь ужас, который царит в государстве великого инквизитора, и сделавший вывод, что Иван, по сути, своей поэмой прославил Христа. «Из века в век эпизодически предлагались проекты идеальных общественных устройств, при которых должны отсутствовать насилие и вельможное тунеядство <...> И ни один из них не принят жизнью. Отвергнуты все» [1, с. 161] – таковы рассуждения Георгия Петровича, главного героя романа, которые постепенно переходят в авторский философский комментарий. И «социальный проект» великого инквизитора не принят – не принят Алёшей, который смотрит на него «извне», осмысливает его с точки зрения чисто человеческой.

Постановка **вопроса о правомерности антиморального поступка ради благой цели** – это ещё один момент, объединяющий «Легенду о великом инквизиторе» и «Покушение на миражи». Стремясь обеспечить людям «младенчески наивное», беспечное счастье (как он его понимает), герой Достоевского вынужден уничтожать тех, кто ему мешает, – еретиков. Он также вынужден идти на обман, сохраняя в людях уверенность в том, что они живут по христианским нормам, тогда как его государство зиждется на совершенно противоположных принципах. И этот обман причиняет великому инквизитору страдания: «В обмане этом и будет заключаться наше страдание, ибо мы должны будем лгать» [5, с. 319]. В некоторых исследованиях, посвящённых творчеству Достоевского,

например в книге Ю. Сохрякова, высказывается мнение, что великий инквизитор лицемерит, старается обелить себя, а на самом деле он вовсе не страдалец за человечество, а лишь властолюбец, стремящийся к самоутверждению [4]. Однако такая точка зрения, на наш взгляд, противоречит тексту. Ведь по замыслу Ивана Карамазова его герой произносит свой монолог просто из желания выговориться и выразить те чувства, которые до сих пор сдерживал и скрывал в глубине души, а это значит, ему нет никакого смысла лгать Пленнику (Пленник по замыслу Ивана, возможно, является Христом, а может быть, и просто видением старика инквизитора). Он действительно полагает, что с помощью обмана и насилия обеспечивает счастье «миллионов существ, которые не в силах будут пренебречь хлебом земным для небесного» [5, с. 318]. Парадоксально, но именно гуманизм толкает великого инквизитора на антигуманные действия. Таков закон утилитарной этики, сформулированный С.Л. Франком: «Утилитарная мораль <...> основана, несомненно, на чувстве любви к ближнему <...> но она не скажет вместе с Достоевским, что прогресс человечества не стоит одной слезы ребёнка; наоборот, если прогресс приводит к увеличению суммы счастья, то, с её точки зрения, он может быть искуплен многими слезами и страданиями, лишь бы этот моральный расход не превысил дохода» [6, с. 33]. Образ великого инквизитора можно считать символом утилитаризма в этике, причём в этом символе сочетаются философское и художественное содержание.

Вопрос о том, оправдывает ли благая цель любые средства, в романе В. Тендрякова связан с образом Савла, ставшего впоследствии апостолом Павлом. Савл – глава отряда, защищающего официальную власть: «Они за синедрион, и синедрион за них, им дозволено то, что не дозволено другим. Могут жестоко избить. Могут убить – дело святое, суд на их стороне» [1, с. 87]. Савл руководил казнью Стефана, выступавшего против властей, и арестовывал старика, помогавшего врагу государства. В обоих случаях он был вполне уверен, что выполняет священный долг и отстаивает правое дело: «"Лучше убить одного, чтобы спасти весь народ!" – эти слова постоянно провозглашались в синедрионе <...> Чтоб спасти народ богоизбранный...» [1, с. 90]. Однако эта уверенность поколебалась после разговора с обречённым на страдания и смерть «врагом» – несчастным слабым стариком, после размышлений о девочке-сироте, жившей в его доме. Савл теряет чувство правоты, а вместе с ним и прежнюю непреклон-

ность, и душевное равновесие. Он уже сомневается, что можно спасти народ с помощью насилия, он начинает жалеть человека – не обезличенное общество, а конкретную личность, одинокую страдающую девочку: «Савл ни на минуту не забывает об исчезнувшей девочке, ещё вчера верил – всё, что ни сделает, во благо; теперь веры нет. Врываться по ночам в чужие дома, видеть испуганные бледные лица, грозить, хватать, заламывать руки – богу угодно такое усердие! Чем могла прогневить всевышнего девочка?» [1, с. 93]. В этом эпизоде Савл удивительно напоминает Ивана Карамазова с его страстным монологом о детской слезинке: для обоих героев (и авторов) *безвинное страдание персонифицируется в образе ребёнка*. В романе «Покушение на миражи» с этого момента началось духовное преображение героя: «Савл, ставший Павлом, шагал по Израилю, жадно глядел на всё вокруг и ни на минуту не забывал об исчезнувшей девочке. Она, обречённая, научила его страдать. Не за себя, за других...» [1, с. 94]. Размышляя о путях преодоления бед человечества, Павел приходит к выводу, что нужно сеять в людских душах семена добра и любви к ближнему, – он приходит к одной из основных идей христианства.

Итак, в осмыслении вопроса о соотношении цели и средств Савл у Тендрякова и великий инквизитор у Достоевского, как мы видим, идут разными, даже противоположными путями, но между ними существует точка пересечения – этический утилитаризм. Для героя «Легенды» первоначальным послужило чувство сострадания к людям, но из этого выросла его жизненная философия, которая увела его от христианства: человек, искренне желавший стать последователем Христа, превратился в сторонника антихристианских идей. Савл, наоборот, первоначально был безжалостным карателем, а впоследствии научился сострадать человеку, и это как раз привело его к христианству. *Если великий инквизитор приходит к утилитарной доктрине, то Савл отказывается от неё.*

Сравнение философской проблематики произведений Ф.М. Достоевского и В.Ф. Тендрякова показывает, что в подходах писателей к «вопросам коренным, вопросам духа» существуют сходства, по крайней мере типологического характера. Нам не удалось обнаружить такие материалы, которые свидетельствовали бы о том, что В.Ф. Тендряков сознательно обращался к творчеству Ф.М. Достоевского при создании романа «Покушение на миражи», хотя, конечно, он не мог не знать «Братьев Карамазовых», а

ведь обращение к опыту предшественника может быть как сознательным, так и неосознанным. Безусловно, проблематика «Легенды о великом инквизиторе», написанной в конце XIX века, осталась актуальной и для последующих эпох. Ф.М. Достоевскому удалось в этом произведении сконцентрировать традиции предшественников, осмысливавших те же вопросы, выразить их с наибольшей художественной полнотой и убедительностью и тем самым породить множество последователей в литературе XX века, а возможно, они найдутся и в веке XXI. При этом варианты решений философско-этических проблем, порождённых этим литературным архетипом, поистине многообразны.

Список литературы

1. Тендряков В. Покушение на миражи // В. Тендряков. Покушение на миражи. Чистые воды Китежа. М.: Худож. лит., 1987. С. 3–220.
2. Горький М. Материалы и исследования. М.-Л.: Наука, 1936. Т. 2. 354 с.
3. Сараскина Л. Достоевский в созвучиях и притяжениях (от Пушкина до Солженицына). М.: Русский путь, 2006. 608 с.
4. Сохряков Ю. Творчество Ф.М. Достоевского и русская проза XX века (70–80-е годы). М.: ИМЛИ РАН, 2002. 240 с.
5. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Собр. соч.: В 10 т. М.: Гослитиздат, 1958. Т. 9. 635 с.
6. Франк С.Л. Фр. Ницше и этика «любви к дальнему» // Соч. М.: Правда, 1990. С. 6–65.

THE ISSUES OF SPIRITUALITY IN «THE LEGEND OF THE GRAND INQUISITOR» BY F.M. DOSTOEVSKY AND IN THE NOVEL «AN ATTEMPT ON MIRAGES» BY V.F. TENDRYAKOV

O.S. Sukhikh

The article focuses on the philosophic content of «The Legend of the Grand Inquisitor» by F.M. Dostoevsky and the novel «An Attempt on Mirages» by V.F. Tendryakov. Some common themes and problems are revealed in the books of both authors.

Keywords: history, Christianity, philosophic issues, F.M. Dostoevsky, V.F. Tendryakov.